

Средь ночи, в самый разгар праздника середины осени, в поместье Клана Се устроили семейный пир.

Лунный свет, подобный инею, заливал двор, где причудливо переплетались тени деревьев и разливался тонкий, едва уловимый аромат. Женщины Клана Се, завершив положенный по обычаю обряд поклонения луне, одна за другой проследовали к своим местам. Се Линъи заняла место рядом со старшей сестрой Се Линдэ, чуть ниже своей матери Су Иньфэн.

Столы были накрыты с изысканной роскошью: нефритовые блюда ломились от деликатесов, звенели кубки, а из-за пределов залы доносились приглушенные звуки музыки. Однако даже эта праздничная атмосфера не могла скрыть скрытого напряжения, витавшего в воздухе.

Двоюродная сестра Се Линцзинь, наряженная с ослепительным блеском, была облачена в алое платье с золотым шитьем и узором из сотни бабочек среди цветов. Ее волосы были уложены в модную прическу «взлетающий феникс», а золотая заколка с зимородками и пионами подрагивала при каждом движении, рассыпая искры света. Окинув пирующих цепким взглядом, она наконец остановила его на Се Линъи.

Покрутив в руках веер с рукоятью из слоновой кости, Се Линцзинь с легкой усмешкой произнесла:

— Сестренка, ты так долго была в Ланьяне, должно быть, сильно утомилась. Слышала, там свирепствовала эпидемия, повсюду царила скверна, а поля были усеяны телами. Ты проявила такую отвагу и милосердие, не побоявшись оскверниться и взяв все тяготы на себя, — признаться, мы все поражены твоим мужеством.

Она сделала паузу, скользнув взглядом по фигуре Се Линъи, и добавила:

— Но ты ведь еще совсем юна и не ведаешь, что творишь. В столь опасном и нечистом месте немудрено подхватить какую-нибудь заразу. Если ты заразишься и навредишь своему драгоценному телу, да к тому же забудешь о благоразумии и достоинстве, подобающих девушке из знатного рода, не обернется ли твоё рвение потерей куда более важного?

В зале на мгновение воцарилась напряженная тишина. Се Линъи отложила серебряные палочки, встала и, слегка поклонившись Се Линцзинь, неспешно ответила:

— Благодарю за заботу, сестра. Ты права, те края — не место для благородных девиц.

Она подняла взгляд и продолжила:

— Однако Ланьян тогда почти превратился в город мертвых. Генерал Лу погиб, защищая страну, а из простых людей едва ли выжил каждый десятый. Если бы некому было доставить продовольствие и лекарства, жизнь там угасла бы окончательно. Бабушка часто наставляла нас: Клан Се живет не только поэзией и ритуалами, но и милосердием. Хоть мои силы и малы, я не посмела забыть эти слова. Помня о том, что каждый мой поступок бросает тень на репутацию Клана Се, я не могла отступить перед лицом опасности. А что до потерь... — Се Линъи покачала головой, и ее улыбка, мягкая, но твердая, озарила лицо. — Пока моя совесть чиста перед страной и народом, а честь Клана Се не запятнана, то, что я испачкалась в

дорожной пыли или хворь коснулась меня — сущие пустяки.

Улыбка на лице Се Линцзинь застыла. Она уже хотела было найти новый повод для колкости, как вдруг снаружи, в коридоре, послышались быстрые и слаженные шаги. Они приблизились и замерли у входа.

Раздался взволнованный голос управляющего Се Чжуна:

— Господин, госпожа, прибыл евнух Сюй из дворца. Говорит, что привез устное повеление Его Величества.

Все присутствующие поспешно поднялись. Се Цзин и Су Вэньюань, сидевший на почетном месте, одновременно покинули свои места и поспешили навстречу. В залу вошел евнух средних лет в темно-пурпурном халате, держа в руках лакированный поднос, накрытый желтым шелком. Его сопровождали двое юных слуг. Это был Сюй Ань, ближайший доверенный слуга Сына Неба.

Сюй Ань ступал уверенно, его взгляд, спокойный и проницательный, обвел присутствующих, источая невольное достоинство, присущее обитателям дворца. Се Цзин поспешно сложил руки в приветствии:

— Визит господина Сюя озаряет наш скромный дом. Какую волю изволил передать Его Величество?

Сюй Ань остановился, повернулся лицом к северу и развернул желтый шелковый свиток с вытканым темным драконом. Его чистый и ровный голос отчетливо зазвучал в наступившей тишине:

— Повеление Его Величества: Третья дочь Клана Се, Линьи, проявила усердие в помощи пострадавшим от эпидемии в Ланьяне и показала добродетельный нрав. В награду жалуются десять отрезков парчи из Шу, сосуд с жемчугом, пара белых нефритовых скипетров жуи и набор золотых украшений с драгоценными камнями дворцовой работы. Принять к исполнению.

— Я, Се Линьи, склоняюсь в благодарности перед милостью Его Величества! Да здравствует Император, десять тысяч лет, десять тысяч лет! — Се Линьи вышла в центр залы и совершила земной поклон.

Сюй Ань лично передал ей поднос и подарочные шкатулки, держась весьма приветливо. Он чуть наклонился вперед и понизил голос:

— Его Величество велел мне передать вам еще кое-что, госпожа: не побоялись опасности, проявили милосердие и отвагу — в вас виден дух покойного наставника Гу.

— Мы, Се Цзин и весь наш род, склоняемся в благодарности за великую милость Его Величества! Да здравствует Император! — Се Цзин повел всю семью в глубоком поклоне, в его голосе слышалось нескрываемое волнение.

После завершения церемонии Се Цзин радушно предложил:

— Посланник проделал долгий путь, прошу, отдохните немного и испейте чаю.

Сюй Ань мягко улыбнулся и ответил поклоном:

— Благодарю за щедрость, господин министр, но сегодня праздник середины осени, и Его Величеству нужны слуги при дворе. Повеление передано, мне пора возвращаться.

Сказав это, он собрался уходить. Се Цзин не посмел задерживать его и лично проводил до самых ворот. Лишь когда кортеж дворцовых экипажей растворился в лунном свете, он вернулся в поместье, и в его походке чувствовалась легкость.

Лицо Се Линцзинь сменило несколько оттенков, и она не посмела больше проронить ни слова. Третья тетюшка Лю Иньшуан среагировала первой: ее лицо расплылось в подобострастной улыбке, а голос, полный гордости, стал громче:

— Ох, какая великая честь! Милость Императора безгранична! Цзяоцзяо принесла нашему Клану Се такую славу! Сестра, — она повернулась к молчаливой Су Иньфэн, — мы все здесь переполнены радостью и восхищением!

Су Иньфэн лишь слегка приподняла веки, ее лицо оставалось бесстрастным, и она даже не удостоила дочь, только что получившую награду, особым вниманием:

— Ты слишком добра, сестра. Все это лишь милость Его Величества да защита предков нашего рода.

— Как же тебе повезло, сестра, родить такую достойную дочь, которая к тому же снискала расположение самого Императора, — Се Юньжу, как всегда, не удержалась от колкости. — Тебе ли быть недовольной?

Но Се Цзин, сияя от радости, вернулся в залу. Его взгляд, непривычно мягкий и серьезный, скользил по лицам присутствующих, пока не остановился на опущенном профиле Се Линьи:

— Цзяоцзяо, проявив такой дух и верность семейным заветам, ты оправдала ожидания Его Величества. Я очень доволен.

Он сделал паузу, и его голос стал строже:

— Все, что было в прошлом, пусть останется в прошлом. Отныне в нашем доме превыше всего должны быть согласие и единство. Будьте осторожны в словах и поступках, чтобы не посрамить милость Императора и вековую репутацию Клана Се.

В это время Су Вэньюань, невозмутимо сидевший на своем месте, отпил вина и медленно произнес:

— Цзяоцзяо, когда Его Величество расспрашивал меня, я лишь правдиво доложил о твоих

заслугах. Не думал, что Император, обремененный государственными делами, вспомнит о скромном вкладе младшего поколения. Это великая милость. Помни: не будь надменной и не зазнавайся.

Се Линъи взяла теплый нефритовый кувшин, неспешно подошла к столу Су Вэньюаня и наполнила его кубок.

— Я понимаю, дядя. Благодаря вашей поддержке и добрым словам перед лицом Императора я смогла оправдать доверие Его Величества и не посрамить семью. Ваши наставления я сохранию в сердце. Впредь я буду ставить честь рода превыше всего и не забуду ваших слов.

В глазах Су Вэньюаня мелькнуло удовлетворение, он кивнул, разрешая ей вернуться на место.

Пир продолжался, зазвучала музыка, люди обменивались кубками и шутками, словно той короткой, но острой бури никогда и не было. Ароматы деликатесов, терпкое вино и сладкий запах пудры сплелись воедино, воссоздавая картину безмятежного семейного праздника.

Лишь в углу зала Се Линъи сидела тихо, глядя на золотой кубок и нефритовые палочки, отражавшие ледяной, отстраненный профиль ее матери Су Иньфэн. В ее памяти смех матери звучал как колокольчик, а объятия были теплыми и ароматными. С каких пор эта улыбка увяла, взгляд стал пустым, а все вокруг — холодным и чуждым? Если бы десять лет назад она не сбежала из дворца и не увидела тот бушующий пожар, погибла бы тетя? И стала бы мать такой, какая она сейчас?

Ее пальцы в рукавах сжались, став ледяными. Вдруг к ней пододвинули теплую фарфоровую чашу. Се Линдэ, незаметно пододвинувшись ближе, казалось, видела насквозь тоску и смятение сестры.

— Мать специально попросила кухню приготовить это — твой любимый суп из серебряных рыбок, который ты так любила в детстве. Ты устала с дороги и много говорила, поешь, пока горячий, чтобы согреться.

Она замолчала, глядя на сестру с искренним сочувствием, и прошептала почти на ухо:

— Цзяоцзяо, мать помнит о тебе. Просто некоторые вещи с годами становятся привычкой, и кажется, что она холодна. В те годы многие были бессильны, что уж говорить о тебе, тогда еще совсем ребенке. Прошное не вернуть, не наказывай себя за чужие ошибки. Теперь ты дома, и у нас еще много времени впереди.

<http://bllate.org/book/19397/1899336>